

В. Л. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ

Новейшая русская литература

<Фрагмент>

В апреле 1918 года Блок закончил свою историко-публицистическую работу «Катилина».

В этом скучноватом, явно тенденциозном прозаическом очерке были строки, дорисовывающие отношение Блока к своему поэтическому творчеству. Говоря о поэте Катулле — современнике мятежного Катилины, поэт-современник В. Ленина пишет в высшей степени характерные строки, подчеркивающие основную идею поэмы «Соловьиный сад», основную идею творческой жизни Александра Блока:

«Личная страсть Катулла, как всякого поэта, была насыщена духом эпохи, ее судьба, ее ритм, ее размеры, так же как ритм и размеры стихов поэта, были внушены ему его временем. Ибо в поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим. Чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает «свое» и «не свое», поэтому в эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой».

Но, связывая поэта с эпохой, Блок отбрасывал от себя все бытовое, житейское, случайное, неотстоявшееся: «Те из нас, — говорил он художникам, поэтам в своей речи “Интеллигенция и революция” в 1918 году, — кто уцелеет, кого не “изомнет с налету вихорь шумный”, окажутся властителями неисчислимых духовных сокровищ. Овладеть ими, вероятно, сможет только новый гений, пушкинский Арион. Он, “выброшенный волной на берег”, будет петь “прежние гимны” и “ризу влажную свою” сушить “на солнце, под скалою”¹. Дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит “разорванный ветром воздух”»².

Можем ли теперь в 1922 г. указать на такого художника? Нового гения, пушкинского Ариона мы пока не видим, но большего поэта, которого не измял вихрь шумный, кто связал свою поэзию с трагизмом

революции, с муками родов, переживаемыми нашей страной, уже теперь мы должны указать. Этот большой поэт, страшно выросший за годы революции, — Максимилиан Волошин. Когда появятся полностью все его стихи, в которые ворвался «ветер тундр, Полесий и Поморий», тот ветер, что «был нам верным другом на распутьях всех лихих дорог»³, новые читатели узнают, каким мощным языком, с какой силой чувства и с какой глубокой волнующей серьезностью говорил поэт в России о России. Всегда мы шли «навстречу всем ветрам»⁴ по ледяным пустыням. Его стихотворения 1900–1910 гг., его прекрасные, лучшие переводы из Верхарна, его книга избранных стихов, вышедшая в 1918 г., его сборник стихов «Демоны глухонемые» (1919) с отзвуками из Достоевского и Тютчева, остались где-то позади. С ростом новой России росли крылья этого поэта. Те темы, к которым подходил Илья Эренбург рассудочно с истеричными выкриками, с признаниями растерянности, эти темы воплощены М. Волошиным в могучие, грозные образы. А. Блок сквозь новый лик видел свою мечту, Максимилиан Волошин сквозь мечту разглядел новый трагический лик России, органически спаянной с древним историческим ликом ее. «Красная Новь» дала несколько стихотворений этого выросшего поэта, но лучшие его стихи известны в бесчисленных списках. В них нет налета эмигрантщины... в них говорит «двух станов не боец»⁵, который приветствует «жгучий ветер полярной преисподней»⁶... В них говорит не поэт-стилист, а поэт-ответитель. Ему принадлежит слово после Блока.

<1923>

